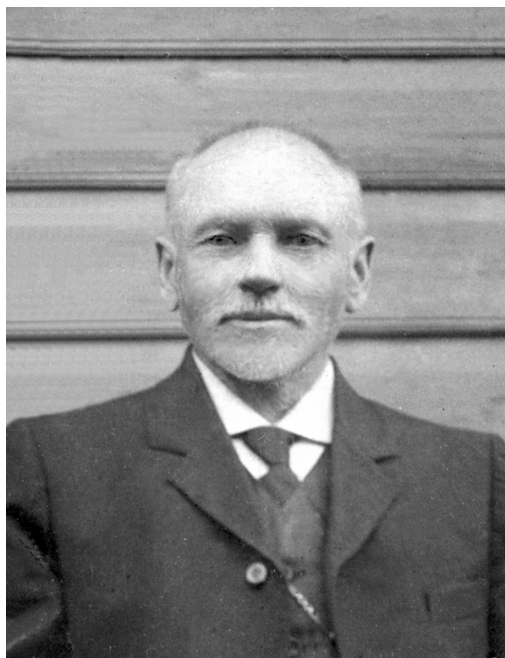

*«Я не столько
археолог и музейст,
сколько историк-археограф
и архивист...»**

(О работе
И. М. Покровского
в Казанском
губернском архиве
в 1920-1930-е гг.)

* Фраза, вынесенная в заголовок, принадлежат И. М. Покровскому и взята из последнего его публичного выступления в декабре 1940 г. на конференции, посвященной 45-летию Центрального музея ТАССР. Рукописный текст выступления хранится в личном архиве И. М. Покровского, хранящемся у его внуки О. В. Тропольской.

Настоящая статья посвящена нелегкой судьбе казанского интеллигента старой формации, профессора Казанской духовной академии, одного из активных членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, кавалера орденов Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени Ивана Михайловича Покровского (1865-1941).

В ноябре 1918 г. когда Казанская духовная академия еще существовала (официально ее закрыли после 1921 г.), но уже не финансировалась, И. М. Покровский был вынужден поступить на службу преподавателем арифметики на 1-е Казанские красноармейские командные курсы и состоял в этой должности до эвакуации их в Киев в 1919 г. В это же время, еще до учреждения Казанского губархива, Покровский начал охрану казанских архивов. Вместе с профессорами Казанского университета Н. Ф. Катановым^{**}, К. В. Харлам-

^{**} Катанов Николай Федорович (1862-1922), тюрколог, этнограф, доктор сравнительного языкознания (1907). С 1893 г. — в Казанском университете, профессор (1894); в 1911-1917 гг. — профессор Казанской духовной академии, действительный член Русского географического общества (1894), Русского археологического общества (1894), а также исторических и археологических обществ Бельгии, Венгрии, член-корреспондент Финно-угорского общества в Гельсингфорсе, председатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, автор фундаментальных трудов по восточному языкознанию (см.: Покровский И. М. Памяти профессора Николая Федоровича Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — 1923. — Т. XXXII. — Вып. 2. — С. 1-15; Подольская М. Преданный Вам Н. Катанов // Казань. — 2007. — № 6. — С. 69-84).

повичем* и И. А. Стратоновым** он непосредственно участвовал в спасении и сохранении бесценных документальных богатств***.

В начале 1919 г. из Москвы в Казань для организации Казанского губернского архива прибыл представитель Главного управления архивным делом Львов. Он предложил профессору И. М. Покровскому, известному в Москве по его работам в столичных архивах, занять должность управляющего вновь утверждаемого Казанского губернского архива. Однако Иван Михайлович, не имея склонности к административной работе, отказался от этой должности, но с удовольствием согласился быть непосредственным работником по архивному делу, поскольку историко-археологическими и архивными рабо-

тами он увлекся еще со студенческой скамьи.

6 февраля 1919 г. профессор И. А. Стратонов по предложению Главного управления архивным делом принял на себя обязанности уполномоченного Главархива в пределах Казанской губернии. Работа распределялась по четырем отделениям, одно из которых (бывшая библиотека Казанской духовной академии), позже переименованное в секцию культуры и быта, возглавил И. М. Покровский.

При уполномоченном Главархива была создана Комиссия по охране казанских архивов (позднее — Совет по охране архивов), составленная из представителей учреждений, заинтересованных в сохранении архивов губернии, в которую вошли профессора И. М. Покровский, К. В. Харлампович, Н. Ф. Катанов и др. Ее председателем был назначен И. М. Покровский. При Губархиве также была создана разборочная комиссия, состоявшая из профессором-

* Харлампович Константин Васильевич (1870-1932), историк, доктор церковной истории (1914). В 1894-1914 гг. преподавал в Казанской духовной семинарии, в 1900-1922 гг. — профессор Казанского университета, председатель Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, автор трудов по истории миссионерства, духовного образования и Казанского края. С сентября 1919 г. работал в Казанском подотделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, с февраля по июль 1922 г. — заместитель председателя, а с июля по май 1924 г. — председатель музейного отдела Татнаркомпроса. С 1 февраля 1922 г. — ученый секретарь Центрального музея ТАССР, заведующий его научным архивом (см.: Сидорова И. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917-1924 гг.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3/4. — С. 65-81).

** Стратонов Иринарх Аркадьевич (1881-1945), историк. В 1914-1918 гг. — преподаватель, в 1918-1922 гг. — профессор Казанского университета. В 1919-1921 гг. — заведующий Главархивом. 2 августа 1922 г. был арестован Татполитотделом ГПУ и этапирован на «философском пароходе». 8 сентября 1922 г. решением судебной коллегии ГПУ был приговорен к высылке за пределы советской России в Германию с формулировкой «за антисоветскую деятельность и связь с религиозниками», затем переехал во Францию. В Париже опубликовал ряд трудов по истории Русской православной церкви. В 1942 г. был старостой православных приходов в Париже. За сбор одежды и лекарств для советских пленных солдат был арестован гестапо и погиб в концлагере. Реабилитирован 22 мая 1996 г. (см.: Малышева С. Ю. Иринарх Стратонов — историк с «философского парохода» // Татарстан. — 1992. — № 7-8. — С. 69-73; Малышева С. Берлинский приют казанского профессора А. А. Овчинникова // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2006. — № 1. — С. 128; Книга памяти жертв политических репрессий. — Казань, 2004. — Т. XIII. — С. 394).

*** Этот период деятельности И. М. Покровского подробно описан им в заявлении в Центральный архив ТССР, сокращенный текст которого опубликован в статье Р. Садыковой (см.: Садыкова Р. «Я служил любимому мной делу и сохранял ценнейшее достояние Знания и Культуры» // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2001. — № 3/4. — С. 213-223).

К. В. Харлампович с супругой Верой. 1899 г.
Из личного архива И. М. Покровского.

специалистов и представителей учебных организаций по определению дел, не представляющих исторической ценности и утративших злободневно-жизненное значение. В нее входили профессор И. А. Стратонов, И. М. Покровский и др. При 1-м отделении Губархи-

ва была образована особая комиссия по описанию рукописных сборников соловецкой библиотеки и иных рукописных собраний, в которую, кроме заведующего отделением И. М. Покровского, вошли также профессора И. А. Стратонов, Н. В. Петров, Н. М. Петровский и другие, а также перешедший в 1-е отделение Губархива старший архивариус Московского архива С. И. Порфирьев.

За время работы И. М. Покровского (с 1 марта 1919 г. по 30 марта 1926 г.) в Губархиве сменилось три руководителя. Обстановка в учреждении также заметно менялась.

И. А. Стратонов проработал заведующим архивом до февраля 1921 г., после его увольнения заведующим стал Е. И. Чернышев*, которого, в свою очередь сменил на посту управляющего А. П. Жаков**.

И. М. Покровский, несмотря на небольшое жалование, работал в Губархиве без всяких совместительств, будучи убежден, что любимому им архивному делу нужны опытные работники. На предложение занять кафедру русской истории в Казанском педагогическом институте он отвечал отказом, не желая уделять архивному делу только часть своего времени и энергии. Служению исключительно архивному делу не помешал и тот факт, что профессор имел на своем иждивении семью из шести человек, из которых трое были малолетними детьми.

Судить о том, какая была моральная обстановка и какие были отношения между сотрудниками-единомышленниками в бытность правления И. А. Стратонова, можно по документам, сохранившимся в личном архиве И. М. Покровского. Так, в письме от 9 июня 1919 г. И. А. Стратонов писал И. М. Покровскому: «Считая необходимым образовать особую комиссию для описания рукописей соловецкой

библиотеки и других собраний, согласно п. 9 инструкции губернского уполномоченного, покорнейше прошу Вас принять участие в названной комиссии.

Моя решимость обратиться к Вам с подобной просьбой основана на том убеждении, что Вы не откажете оказать содействие в столь важном деле.

Прося Вас принять мое уверение в совершенном к Вам уважении, имею честь быть Вашим покорным слугою»¹.

Во время своей службы в Губархиве при руководителях И. А. Стратонове и Е. И. Чернышеве И. М. Покровский работал с энтузиазмом и большим увлечением, так как он чувствовал, что занимается любимым и очень нужным делом, а со стороны руководства получает большую поддержку и понимание. И это при том, что работу его в эти годы нельзя было назвать легкой. В секции культуры и быта он был не только научным работником, но и техническим служащим, поскольку с 1922 г. при ней не было особого служащего. Он был вынужден колоть дрова, топить печь, «по требованию милиции» убирать снег, скалывать лед, подметать помещение, не говоря о переноске и перекладке архивных материалов. В 1919-1921 гг. многие главные архивы упраздненных учебных заведений были перевезены в 1-е отделение лично И. М. Покровским. А в 1921 г. часть архива бывшей канцелярии Казанского учебного округа, содержащего очень ценные документы, И. М. Покровский вывозил в 1-е отделение со своим сыном по первому снегу на салазках.

Работа по охране архивов часто затруднялась тем, что она не для всех была понятна. При перевозке архивов из зданий, занятых воинскими частями, И. М. Покровского пытались арестовать. Зимой И. М. Покровскому приходилось пробираться через глубокие сугробы, чтобы освидетельствовать целостность замков и печатей на архивах, сложенных в кремлевских башнях или в темных подвальных помещениях заброшенных зданий. К сожалению, при всех его стараниях даже с официальными предписаниями не все архивы удалось спасти. Так, погиб ценнейший ста-

* Чернышев Евгений Иванович (1894-1979), историк, в 1921-1924 гг. уполномоченный Главархива. С 1922 г. перешел на научную и педагогическую работу, в 1943-1944 гг. преподавал в Казанском университете, в 1945-1966 гг. работал в ИЯЛИ КФАН СССР.

** Жаков Анатолий Петрович (1893-1936), с 1919 г. член ВКП (б), в 1924-1926 гг. управляющий Татцентрархивом, затем помощник заведующего историко-партийным отделом издательства Татарского обкома партии.

рейший архив загородного Архиерейского дома. Когда до Ивана Михайловича дошел слух об опасности, грозившей этому архиву, он вместе со Стратоновым бросился туда, но увидел только обгоревшие листы бумаги, разнесенные по льду о. Кабан (дело было ранней весной 1919 г.). Архив накануне был сожжен дотла по вине воинских частей, занимавших здание, где хранились документы. Незадолго до этого архив Архиерейского дома был приведен по инициативе И. М. Покровского в порядок, была составлена его опись, которая тоже погибла. Документов в архиве были тысячи, в нем также хранилась неоценимая карта Казанской епархии XVIII в.²

Главной задачей того времени был учет уже существующего губернского архивного фонда. «Учитывать архивы чаще всего приходилось в ходе непосредственных командировок. Большая часть этой работы легла на И. А. Стратонова и И. М. Покровского. Они проделали колоссальную работу: за 1919 г. было принято на учет 47 архивов (из них только 15 относились непосредственно к г. Казани)»³.

Одновременно с заведованием 1-м отделением архива И. М. Покровский руководил и библиотекой бывшей Духовной академии с ее богатейшим рукописным отделом. Под его непосредственным наблюдением и руководством в секции работали над разборкой, описанием и научным исследованием архивных материалов штатные и внештатные работники Центрархива, а также научные работники учреждений Казани и других городов и студенты вузов. В разное время он также читал для казанских архивариусов научные и популярные лекции. При его непосредственном участии при архиве были открыты курсы для лиц с высшим образованием по подготовке квалифицированных специалистов архивного дела. На этих курсах читались такие предметы, как палеография, хронология, общая, московская и восточная дипломатика, русская археография, архивная политика, русские государственные учреждения VIII в. и организация

советских учреждений. Особое внимание И. М. Покровский уделял проведению экскурсий для посещавших секцию культуры и быта студентов вузов, техникумов и школ. С экскурсантами он вел беседы, которые длились порой часами. Он знакомил их с памятниками древней письменности, давал краткие, но основные сведения по археографии, палеографии, сфрагистике, морфологии и другим дисциплинам с демонстрацией рукописей.

Много труда и энергии вложил И. М. Покровский в дело сохранения уездных городских и даже волостных архивов. В самых тяжелых условиях в 1919-1922 гг. он объехал несколько городов и уездов края: Свияжск, Чистополь, Чебоксары, Козьмодемьянск. Между тем крепким здоровьем профессор не отличался. Был случай в Козьмодемьянске, когда, не дождавшись подводы, он около 30 верст прошел пешком. Приходилось «и голодать», и холодать» и даже выносить оскорбления, но Иван Михайлович всегда радовался, когда Татцентрархив пополнялся новыми архивными фондами и очень болезненно переживал, когда узнавал о гибели того или иного архива.

Руководство Центрального архива республики высоко ценило работу И. М. Покровского, что придавало ему дополнительные силы. Управляющий Е. И. Чернышев в 1922 г. ходатайствовал перед комиссией Татнаркомпроса о предоставлении И. М. Покровскому академического пайка, поскольку в других учреждениях, кроме архива, он не служил и являлся одним из самых необходимых и ценных сотрудников. «Заведующий 1-м историко-культурным отделением Татцентрархива профессор Иван Михайлович Покровский в названном отделении является незаменимым работником [...] он работает не только как архивист и архивариус, но также как профессор. [...] Сложность работ проф[ессора] Покровского исключает всякую возможность служебного совместительства, и проф[ессор] И. М. Покровский со времени открытия Губархива, переименованного в Татцентрархив, служит без совместитель-

ства, получая очень ограниченное содержание. Проф[ессор] Покровский человек многосемейный, на его содержании находится семья в 6 человек, а получает содержание только он один»⁴.

С приходом к руководству архивом А. П. Жакова обстановка в архиве стала меняться. В докладной записке в СНК ТАССР о деятельности и штатах Татцентрархива от 15 сентября 1924 г. А. П. Жаков подверг резкой критике работу архива за первые пять лет его существования: «Научная работа стоит, угрожающим положение становится и в дальнейшем, хотя есть чрезвычайно важные задания центра и местного Истпарта. Дальше так продолжаться не может. [...] Современный темп финансирования и работ необходимо усилить; в противном случае Центральный архив так и будет представлять собой склад бумаги, а архивы — гибнуть на всем протяжении ТАССР. [...] Из специальных заданий следует отметить выборку из архивов материалов об Ильиче, о пугачевщине, о рабочих и крестьянских движениях в крае по требованиям Центрархива РСФСР, Ленинского института, восточно-педагогического института и Истпартотдела ОК РКП (б)»⁵. Вскоре по отношению к И. М. Покровскому и к некоторым другим сотрудникам старой формации начались придирки. В конце концов 20 марта 1926 г. совершенно неожиданно для самого Покровского он был уволен «по сокращению штатов».

В бюллетене Центрального Татарского архивного управления за 1932 г. есть документ, согласно которому, в Центрархиве в начале 1930-х гг. И. А. Стратонова, И. М. Покровского и «иже с ними» заклеямили как «черносотенных рулевых», которые «управляли архивным кораблем в 1918-1920 гг., стараясь укрыть его от революции в тихой гавани духовной академии. В лучшем случае архивная работа как Северо-Восточного института, так и уполномоченного ГУАД сводилась к накладыванию замков и пломб на сарай с архивным материалом»⁶.

В отчаянии, оставшись без работы и средств к существованию, И. М. По-

кровский написал в Москву большое и очень эмоциональное письмо историку, заместителю наркома просвещения, в ведении которого были архивы, своему однофамильцу профессору М. Н. Покровскому, автору небезызвестной многотомной «Русской истории», переписанной им с марксистской точки зрения.

Иван Михайлович всегда был идеалистом. Он и не предполагал, что этим письмом он еще больше усугубит свое положение. В статье М. Чудаковой «Архивы в современной культуре» ярко охарактеризована личность московского однофамильца Ивана Михайловича: «С конца 1920 г. архивные учреждения страны попали сначала временно, а потом постоянно и надолго под начало тогдашнего замнаркома просвещения, историка старой школы, но новой складки М. Н. Покровского. “Недоверчивый к людям и в каждом спеце видящий существо, которому “палец в рот класть нельзя” и которому дверь Чека должна быть всегда гостеприимно открыта” (“Красная новь”, 1921, № 5). Он, по свидетельству близко наблюдавших его деятельность людей, “начал упорядочение архивного дела с удаления всех, казавшихся ему неблагонадежными, и с привлечения к делу лиц, мало понимавших архивное дело” (Азюмов А. Архивное дело в России в 1918-1922 гг. — “Новая русская книга”, 1922, № 9, с. 5).

В речи, произнесенной на открытии архивных курсов при Центрархиве РСФСР 21 ноября 1924 г., М. Н. Покровский объяснял слушателям — будущим работникам архивов: “Архивная техника не ограничивается только мерами борьбы с вредителями (насекомыми), придется изучать и многое другое, потому что многие документы написаны на таком языке и таким шрифтом, что сразу ничего не поймешь. Всей этой техникой необходимо овладеть, только не думайте, что это ужасно трудное дело. Наши археологические институты создавали прежде целые архивные отделения, где учились по 3-5 лет. Это было просто некоторое раздувание своего собственного дела — есте-

ственное, поскольку этим делом ведали теоретики-специалисты, которые смотрели на жизнь в лупу и которым казалась каждая мелочь важной. [...] Мы считаем, что годичного курса за глаза достаточно, чтобы подготовить человека вполне к выполнению его задачи, а задача эта в теперешней обстановке является прежде всего задачей политической. Спасая старые архивные документы, вы сохраняете то оружие, при помощи которого рабочий класс вел и ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником (Покровский М. Н. Политическое значение архивов. — “Архивное дело”, 1925, вып. 2, с. 7).

Процесс замены старых специалистов новыми шел, впрочем, не так уж и быстро. Архивы оставались на периферии внимания общества и государства; возможно, поэтому на протяжении 20-х — начала 30-х гг. они были вполне доступны для тех, кто проявлял к ним научный и познавательный интерес. Практически же к архивным занятиям обращался сравнительно узкий круг людей, тех самых, кого Покровский М. Н. называл “теоретиками-специалистами”⁷.

В мае 1926 г. И. М. Покровский с трудом устроился на работу библиотекарем и архивариусом в Государственную плановую комиссию ТССР Татстатуправления, но в 1929 г. управляющий ТСУ сообщил ему, что «на основании постановления Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) он снимается с работы из-за дореволюционной богословской деятельности»⁸. Это «крайне изумило, огорчило и в высшей степени удручило» И. М. Покровского. Иван Михайлович написал письмо в РКИ с разъяснением, что его деятельность в Духовной академии никакого отношения не имела к богословию. Это позволило ему прослужить в ТСУ еще два года.

Так как И. М. Покровский владел многими иностранными языками, в 1931 г. он был назначен временно, на полгода, сотрудником иностранного отдела Центральной областной библиотеки им. В. И. Ленина Татарской Республики, где занимался разборкой и ре-

гистрацией иностранной литературы. В 1932 г. его приняли на работу, за 20 рублей в месяц, библиотекарем, делопроизводителем и заведующим складом предметов медицинского обслуживания больниц факультетской хирургической клиники Казанского медицинского института. Последним местом работы Покровского был Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, где он работал научным сотрудником.

При всей добросовестности и очень ответственном отношении к любой работе, которой приходилось заниматься И. М. Покровскому на протяжении всей его послереволюционной деятельности, он, как и многие его коллеги и соратники, подвергался неоднократно всевозможным преследованиям.

6 октября 1921 г. СоВЧК принял постановление, в котором епископ Анатолий Грисюк⁹, ректор Духовной академии, обвинялся «в неподчинении Советской власти, в нарушении декрета об отделении церкви от государства и школы, чем вызвано было существование в Казани Духовной академии с полным штатом профессоров и доцентов, управляемым советом в лице членов правления»⁹. В действительности, официально Духовная академия не была закрыта. Ликвидационные комиссии относительно духовных семинарий, училищ, школ активно действовали в Казани уже с зимы 1918-1919 гг., а по академии ликвидационного комитета создано не было; кроме того, формально советская власть разрешала подготовку священнослужителей частным образом. Поэтому академия продолжала существовать на остатки средств, по-

⁷ Грисюк Анатолий Григорьевич (1880-1938), епископ Чистопольский Анатолий, ректор Казанской духовной академии (1913-1921). В 1921 г. был арестован, приговорен к двум годам заключения. С 1922 г. — епископ Самарский, с 1923 г. — архиепископ. В 1923 г. послан в г. Красноводск. В 1927-1928 гг. вновь архиепископ в г. Самаре. С 1928 г. — архиепископ Одесский, с 1932 г. — митрополит. В 1936 г. арестован, в 1937 г. приговорен к пяти годам заключения. Умер в тюремной больнице. В 1997 г. канонизирован Синодом Украинской Православной Церкви, а на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2002 г. канонизирован как священикомученик (см.: Сидорова Т. Повесть смутных лет // Известия Татарстана. — 1992. — № 161. — С. 3; Татарская энциклопедия. — Казань, 2002. — Т. I. — С. 146).

лученных в 1917 г., за счет поступлений из центральных церковных структур, помощи городских религиозных общин, Епархиального совета, частных пожертвований, продажи имущества редакции выпускаемого академией журнала «Православный собеседник». По делу было привлечено 19 человек. А. Грисюк был выслан на Соловки сроком на два года, пятерым преподавателям академии мерой пресечения был год концлагерей условно, а 13-ти, в том числе и И. М. Покровскому, был объявлен «строгий выговор в местной газете», и И. М. Покровский был осужден постановлением ВЧК на один год лишения свободы условно.

В сентябре 1924 г. Татотдел ОГПУ начал официальное следствие по делу профессора К. В. Харламповича, председателя Общества археологии, истории и этнографии, и шести других членов общества, входивших в его совет, в том числе и И. М. Покровского. Начало следствия мотивировалось поступлением «сведений о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии, противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими “чистую науку”, в которой преобладали элементы рутины, отсталых идей, для чего использовались легальные возможности»¹⁰. 20 сентября 1924 г. К. В. Харлампович был арестован как вдохновитель и глава группы, в его квартире был произведен обыск. В сентябре 1924 г. обыскивали всех подозреваемых членов общества. При обнаружении компрометирующего материала их ждал неминуемый арест, однако никаких улик ни у кого найдено не было. По мнению следствия, общество предоставляло «широкое поле для миссионерской деятельности, откуда можно было свободно проповедовать христианские идеи, а использование официального советского печатного органа с наглой целью распространения христианских идей носило определенный контрреволюционный характер». Образчиком миссионерских тенденций была названа статья-некролог И. М. Покровского о Н. Ф. Катанове, в которой

откровенное описание положения научных работников было воспринято властью как вызов, из-за чего данный выпуск «Известий Общества археологии, истории и этнографии» в течение пяти лет было запрещено распространять.

В результате К. В. Харлампович был признан виновным по четырем статьям Уголовного кодекса и приговорен к административной высылке за пределы ТАССР на три года. Остальных, проходивших по этому делу, в том числе и И. М. Покровского, оставили на свободе, хотя и дали им негативную оценку. Высылка К. В. Харламповича была необходима ОГПУ в целях устрашения научной общественности, «высылка оставшуюся в Татарской Республике профессуру и, наконец, еще более выдвинет в глазах реакционной интеллигенции авторитетность и безапелляционность органов ОГПУ, расправляющихся со своими врагами твердо и решительно»¹¹.

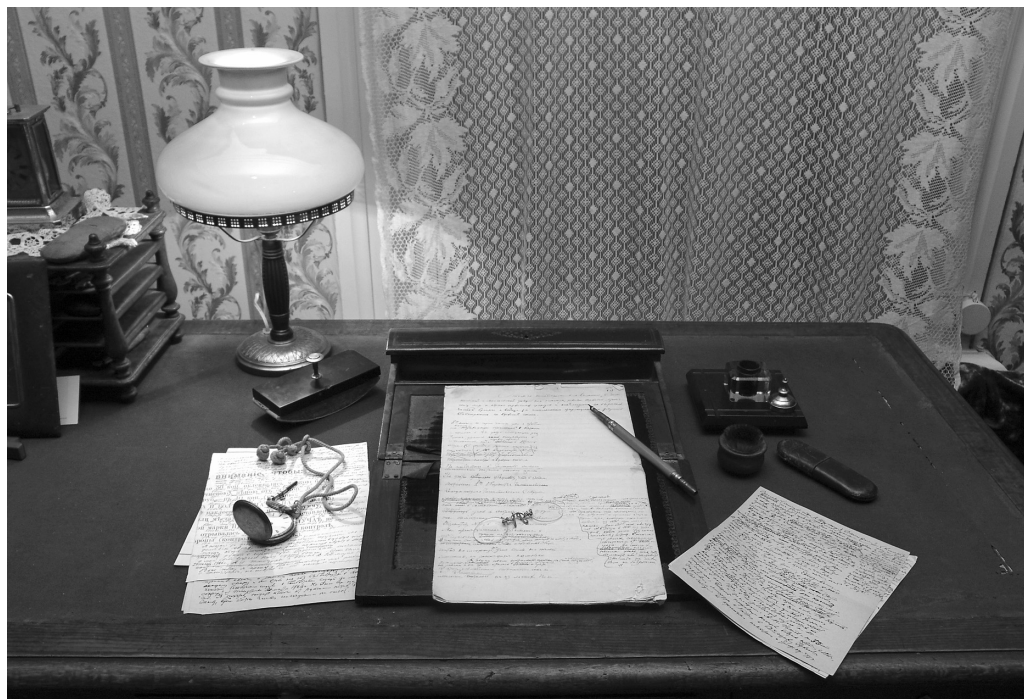
31 августа 1930 г. И. М. Покровский был вновь арестован органами ГПУ ТАССР. Вместе с другими профессорами Казанской духовной академии он был обвинен по делу «О контрреволюционной, религиозно-монархической организации филиала контрреволюционного центра “Истинно-православная церковь”», якобы существовавшего на территории ТАССР и «руководимого бывшими профессорами Казанской духовной академии Несмеловым В. И.*, Петровым Н. В.**, бывшим казанским викарным епископом Иоасафом (Удаловым) и священником Троицким Н. М.»¹², и в проведении антисоветской агитации. Всего по делу было привлечено и предано суду 33 человека.

3 октября 1930 г. в доме Покровского был произведен обыск и изъята вся

* Несмелов Виктор Иванович (1863-1937), философ, доктор богословия, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета. После революции 1917 г. — помощник заведующего отделом народного образования Татарского статистического управления. Автор трудов по философской антропологии, открывших новое направление в религиозной философии и богословии.

** Петров Николай Васильевич (1874-1956), философ, магистр богослужения (1920), профессор Казанской духовной академии (1908-1912 гг.), профессор Казанского университета (1912-1917 гг.).

Мемориальный кабинет И. М. Покровского в квартире его внучки О. В. Троепольской. На письменном столе Ивана Михайловича — его личные вещи и рукописные материалы периода работы в Казанском губархиве. Казань, 2009 г. Фото Н. Троепольской.

переписка. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 15 января 1932 г. И. М. Покровский был выслан в Казахстан сроком на три года. В ссылке, больной и изможденный, он пробыл несколько месяцев. Его дочь Зинаида поехала вслед за ним в ссылку, потом в Москву к М. И. Калинин и, благодаря неисчерпаемой энергии и любви к отцу, добилась его досрочного освобождения. Особым совещанием при коллегии ОГПУ И. М. Покровский был освобожден 22 июля 1932 г.

Постановлением президиума Верховного суда ТАССР от 28 сентября 1964 г. постановление Особого совещания при коллегии ОГПУ от 15 января 1932 г. в отношении И. М. Покровского было отменено, дело производством прекращено за недоказанностью обвинения. Покровский Иван Михайлович реабилитирован посмертно.

Несмотря на тяжелые испытания, Иван Михайлович никогда не терял бодрости духа. Он говорил, что прожил счастливую жизнь, так как, по его собственному выражению, «служил любимо-

мому им делу и сохранял ценнейшее достояние Знания и Культуры». Покровский любил жизнь во всех ее проявлениях, был по-детски восторженным человеком и, что бы ни делал на работе или дома, все у него спорилось. Он очень любил свою семью, поддерживающую его во всех ситуациях, интересовался буквально всем, от искусства до спорта, был очень добр к людям. Даже ссылка не озлобила его. Скончался Иван Михайлович скоропостижно в 1941 г. в кабинете директора Центрального музея ТАССР во время передачи в дар Центральному музею ТАССР документов из своего архива о Безднинских волнениях, о Куртинской панихиде и о А. П. Щапове.

В советское время имя И. М. Покровского, как и имена его коллег, пережившего бурные события начала XX в. и не изменившего своему долгу, внесшего большой вклад не только в изучение истории нашего края, но и в дело сохранения в сложнейших драматических условиях уникального исторического наследия — дореволюционных

архивов, а также сыгравшего заметную роль в становлении архивного дела на многие годы было предано забвению. И только в последнее время дана достойная оценка его работе как историка и архивиста¹³, а его научные труды стали востребованы и используются современными историками не только в нашей стране, но и за рубежом*.

В личном архиве И. М. Покровского сохранился «Отчет о командировке в г. Чистополь, в Чистопольский и Лаишевский уезды для осмотра, ревизии архивов, принятия мер к охране архивных фондов и наблюдения за вырезкой чистой бумаги и вообще за исполнением учреждениями декретов Совнаркома по архивной части», в фондах Национального архива Республики Татарстан

сохранились интересные документы о результатах этой командировки, которые свидетельствуют о том, что поездка в с. Мурзиха Лаишевского уезда, не входившая в задание по командировке и осуществленная И. М. Покровским по собственной инициативе, была очень полезна для Губархива. Эти документы мы представляем вниманию читателей.

В личном архиве И. М. Покровского также частично сохранились черновики письма М. Н. Покровскому. Написаны они на листах старых бланков между строк типографского текста, очень мелко, неразборчиво и с сокращениями, так как он писал в состоянии сильного эмоционального волнения. Отрывок из этого письма мы также представляем вниманию читателей.

Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук Р. Б. Садыковой и заместителю директора Национального архива РТ Н. А. Шарангину за проявленный интерес и поддержку при подготовке этой статьи к публикации.

* Так, в книге И. Смолича «Русское монашество 988-1917» (перевод с немецкого языка книги: Smolitsch K. Russisches Monchtum: Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988-1917. – Wursburg, 1953) говорится, что, к сожалению, кроме работ И. М. Покровского, «в области картографии монастырской колонизации и границ епархий до сих пор, можно сказать, не сделано практически ничего, хотя вопросы эти весьма важны» (см.: Смолич И. Русское монашество 988-1917. – М., 1999. – С. 18).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Из личного архива И. М. Покровского. Письмо И. А. Стратонова И. М. Покровскому от 9 июня 1919 г.
2. НА РТ, ф. Р-7, оп. 1, д. 9, л. 3-9 об.
3. Шамсутдинова Р. Архивное строительство в Татарстане в 1917-1920 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – № 1/2. – С. 290.
4. ЦГА ИПД РТ, ф. 7, оп. 1, д. 67, л. 38 об.
5. Государственная архивная служба Татарстана (1916-2006). Документы и материалы. – Казань, 2006. – С. 72.
6. Бюллетень Центрального Архивного управления Татарской республики. – 1932. – № III-IV. – С. 12.
7. Чудакова М. Архивы в современной культуре // Наше наследие. – 1988. – № III. – С. 141-143.
8. Из личного архива И. М. Покровского. Черновик заявления И. М. Покровского Наркому РКИ Татреспублики.
9. Известия Татарстана. – 1992. – 21 августа.
10. Сидорова И. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917-1924 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2003. – № 3/4. – С. 71-72.
11. Там же. – С. 73.
12. ЦГА ИПД РТ, ф. Р-6948, оп. 1, д. 2, л. 1.
13. Абдуллина Р. «Кто не знает истории своего народа, тот не дорожит его судьбой» // Татарстан. – 1995. – № 1. – С. 91-92; Астафьев В. В. Безработный профессор. Памяти И. М. Покровского // Социально-историческое знание в Татарстане. Исследовательские традиции и современность. Тезисы докладов на Республиканской научной конференции 14-15 июня 1995 г. – Казань, 1995. – С. 120-122; Подольская М. Преданный Вам Н. Катанов // Казань. – 2007. – № 6. – С. 69-84; Садыкова Р. «Я служил любимому мной делу и сохранял ценнейшее достояние Знания и Культуры» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № 3/4. – С. 213-223.

**№ 1. Из отчета И. М. Покровского о командировке в г. Чистополь,
в Чистопольский и Лаишевский уезды для осмотра, ревизии архивов, принятия
мер к охране архивных фондов и наблюдения за вырезкой чистой бумаги
и за исполнением учреждениями декретов Совнаркома по архивной части**

15 июля 1920 г.

8 июня к трем часам дня я прибыл на камскую пароходную пристань в Казани и только в 4 часа утра следующего дня, 9 июня, удалось отправиться в г. Чистополь, куда пароход пришел в 11 с половиной часов вечера.

По прибытии в Чистополь первую ночь пришлось провести в б[ывших] №№ Чиркова*, где обитателями оказались только крысы. Наутро я убедился, что в этом отделении 1-го общежития Коммунодела Чистопольского совета кроме крыс едва ли кто в состоянии обитать. При дневном свете глазам предстала мрачная картина. Всюду была ужасная грязь. На полу валялись разные кости, сушеные головы селедки, объедки хлеба, битое стекло, яичная скорлупа, окурки, мочалки, бумага, тряпки, какая-то трава и т. п., на стенах — слой грязи, на постелях вместо матрасов сплошные тряпки и грязь.

По всему видно, что с выходом воинских частей из №№ Чиркова это помещение никем не убиралось и сделано обиталищем крыс, которые стаями выбегали из №№ при моей попытке занять тот или другой №. Двери в №№ — без запоров, рамы — без шпингалетов. Стекла в рамах совершенно потускнели от тенет и грязи. На столах толстым слоем надела пыль, так что положить или поставить что-либо на них было невозможно.

На другой день я выправил себе ордер на помещение в лучшей половине общежития № 1, в б[ывших] №№ Кузнечиковых. Мое кратковременное пребывание в №№ Чиркова прошло не без последствий. В силу моего замечания, что в №№ Чиркова можно помещать не людей, а свиней, половина этой половины общежития на следующий же день была не только выметена, но даже несколько промыта. К дверям стали устраивать крючки, со столов и подоконников стерли пыль, но стены и все прочее осталось в прежнем состоянии и в грязи.

В продовольственном отношении мое положение в Чистополе оказалось не из легких. По командировочному удостоверению в Чистопольском отделении распределения я получил только один фунт черного хлеба на сутки и больше ничего. Сколько я ни просил, мне не дали даже ни единого золотника соли, не говоря о других продуктах. На первые дни все продовольствие оставалось покупать на базарной площади по невероятно высоким ценам. Ни общественных столовых, ни чайных в Чистополе не оказалось. При неисправности водопровода случилось, что в общежитии до 5-6 ч. вечера не было ни одной капли кипяченой воды. Во время первого моего пребывания в г. Чистополе выпало 2 таких дня, когда в 5-6 ч. вечера мне едва удавалось выпить первый стакан чая.

Только работа по вырезке чистой бумаги для 2-го Казанского полкового округа, управление которого находится в г. Чистополе, несколько облегчила мое продовольственное положение. Мне, хотя и не сразу, назначили красноармейский паек. Все же в течение десяти дней я ни разу не обедал, пробавляясь одним чаем с молоком и хлебом и самой скромной закуской. Тем не менее на такое скудное питание выходило за сутки от 300 до 400 руб.

Весь первый день моего пребывания в г. Чистополе прошел в разных регистрациях и добывании ордеров для проживания в Чистополе и в борьбе за существование при нынешних ужасных продовольственных условиях. С 11 июня началась моя работа по командировке. Прежде всего нужно было добыть архивный материал, из которого должна быть произведена вырезка чистой бумаги для 2-го Казанского полкового округа. Таким материалом назначен разбитый архив бывших чистопольских судебных установлений уездных членов окружного суда, мировых судей, земского начальства и пр. Этот ар-

* Здание номеров Чиркова-Кузнечиковых, до революции принадлежавшее мещанам Ф. И. Чиркову и А. А. и А. И. Кузнечиковым, было построено в Чистополе в начале XX в. Первый этаж был занят под трактирное заведение, чайную, булочную и кондитерскую Е. Д. Мясникова; на втором этаже располагались гостиничные номера. Здание сохранилось до сих пор и является памятником жилой архитектуры в стиле эклектики классицистического направления (см.: Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. — Казань, 1999. — Т. 1. Административные районы. — С. 375-376) (здесь и далее подстрочные примечания авторов вступительной статьи).

хив по распоряжению чистопольских военных властей из дома Нератова был вывезен в склад № 37 и предназначен к утилизации, т. е. полному уничтожению.

В складе, куда архив перевезли в самом ужасном виде, он был свален громадной кучей рядом с кулями, наполненными старым тряпьем, обрезками овчины, старой паклей, мочалом и тому подобным хламом, предназначенным к утилизации. Перед вывозкой в склад № 37 архив был разбит на месте и особенно много пострадал при беспорядочной перевозке его в утилизационный склад. По дороге бумаги сваливались с возов, расхвывались всеми. [...]

Находились лица, которые целыми охапками тащили архивные дела по домам. Очевидцы такого варварского отношения к архиву рассказывали нам нечто невероятное про перевозку архива б[ывших] чистопольских судебных установлений на берег Камы в склад № 37. Чуть ни весь г. Чистополь обогатился бумагой этого архива. На рынке почти все заворачивалось в архивную бумагу. Только благодаря вмешательству народного суда 1-го участка в г. Чистополе и его секретаря Келлермана окончательно не погиб весь архив и сохранился, конечно, далеко не весь в разбитом виде, сваленный в огромную кучу в складе № 37. О печальном положении названного архива в управлении Казанского губархива имеется особое дело. Как известно, следствие по этому делу оказалось безрезультатным, хотя по делу выезжал в Чистополь сам уполномоченный Казанского губархива проф. Стратонов. Следствием поездки уполномоченного была перевозка части разбитого архива из склада № 37 в особый каменный сарай при помещении Чистопольского народного суда 1-го участка. Перевезенной части архива оказалось слишком мало для вырезки чистой бумаги для 2-го Казанского полкового округа. По заявлению округа для всех его учреждений требовалось вырезать чистой бумаги 15 пудов 15 фунтов. [...]

Поэтому, прежде чем приступить к вырезке, пришлось продолжить перевозку разбитого архива из архива № 37 в сарай при суде. Дополнительно перевезено было до двадцати возов. [...]

После этого под моим руководством и наблюдением было приступлено к вырезке чистой бумаги. Бумага вырезалась только из разбитых дел. Само собой понятно, что никакой описи делам, из которых вырезалась бумага, составить не представлялось возможным. Дела были разбиты и даже разорваны по листам. О приведении архива в порядок без затраты огромных средств и без интеллигентных людей не может быть и речи.

Чтобы сохранить записанные бумаги, после вырезки их складывали стопами к стене, противоположной той, к которой привален был архив. Дела оставались в таком виде и положении после вырезки из них чистой бумаги. Бумага вырезалась красноармейцами и служащими в военных канцеляриях. Ежедневно, не исключая праздников, работало от 6 до 10 человек. Работа начиналась в 8 ч. утра, продолжалась до 11 ч. утра, а затем следовал перерыв на обед и отдых до 2 ч. дня. Работа возобновлялась с 2 ч. дня и продолжалась до 5-7 ч. вечера. При такой сравнительно продолжительной и многотрудной работе дело вырезки продвигалось медленно, так как, прежде чем вырезать неисписанную бумагу из дела, само дело приходилось расправлять и искать в нем начало и конец. Все было перебито. Красноармейцы, занятые вырезкой бумаги, так были обременены своей работой, что готовы были сменить ее на более трудное дело, но не настолько скучное. На первых порах успеху дела еще мешала постоянная смена рабочих рук. На место лиц, освоившихся с техникой вырезки, через день присылались новые лица. Впрочем, и это затруднение мной скоро было устранено требованием не сменять рабочих, в противном случае я намеревался прекратить бумажную вырезку, которая стала обременять и меня, к тому же я работал без перерыва и без отдыха с 8 утра до 5-7 вечера.

Во время обеденного перерыва и отдыха работавших по вырезке бумаги, т. е. с 11 утра до 2-х часов дня, я производил осмотр архивов существующих и некоторых упраздненных чистопольских учреждений. [...]

О том, что представляют собой чистопольские архивы при нашем осмотре их в предлагаемом отчете уместно сделать только несколько общих замечаний о состоянии их.

Почти все чистопольские архивы или уцелевшие части их оставляют желать много лучшего. Некоторые из них находятся в плачевном состоянии. [...] До архивов упразд-

ненных учреждений почти никому нет дела. Одни из них оставлены без присмотра, брошены на произвол судьбы, за другими присматривают случайные лица. [...]

Помимо перевозки с места на место утрата многих дел из названных архивов произошла вследствие беспорядочной выемки из них чистой бумаги. По словам секретаря уземотдела Скородумова, будто бы никаких декретов о том, чтобы не пользоваться чистой бумагой из архивов, в Чистополе не было известно. В архиве б[ывшей] землеустроительной комиссии была попытка использовать чистую сторону даже земельных планов. Этих планов сохранилось сравнительно немного, они утратились вместе с делами при разных эвакуациях и перевозках.

При разборке архивных дел б[ывших] чистопольских судебных установлений для вырезки чистой бумаги нам попадались такие планы, они оставлены при делах. При осмотре нами архивов в г. Чистополе встречались люди из власти, которые безнадежно махали руками, когда узнавали о цели и задачах нашей командировки. На их лицах можно было прочесть: «Есть же такие люди, которые занимаются пустыми делами и попусту тратят силу, время и средства».

Осмотрев чистопольские архивы, я сосредоточил свое внимание на вырезке чистой бумаги и окончательно выяснил, что вырезка чистой бумаги для 2-го Казанского полкового округа до настойчиво требуемой им определенной нормы затягивается и не требует моего присутствия. В течение недели работающие по вырезке бумаги приобрели опыт, среди них нашелся умелый руководитель-канцелярист при канцелярии округа Крылов. Поэтому я решил не терять более времени на проживание в Чистополе только из-за вырезки бумаги и счел возможным оставить Чистополь и отправиться в Чистопольский и Лаишевский уезды для выполнения третьей задачи командировки — осмотра архивов волостных исполкомов — б[ывших] волостных правлений.

18 июня я выехал из Чистополя и с большим трудом доехал до первого волысполкома в с. Старом Иванаеве. Из города Чистополя, по наряду милиции, мне дана была подвода (легковой извозчик) по казенной цене 12 руб. 50 коп. с версты до ближайшей деревни Данауровки (в 4-х верстах от Чистополя), где должна быть смена подвод. Приезжаю в Данауровку. Здесь положительно все лошади оказались мобилизованы для спешной перевозки из Чистополя 24 полка. Поэтому в Данауровке мне отказали в подводе или предложили ждать, когда лошади возвратятся. Между тем чистопольский возница не считал себя обязанным везти меня дальше. Сидеть в Данауровке до следующего дня было слишком тяжело. После долгих пререканий и после добровольной сделки с чистопольской подвой относительно проездной платы мне удалось добраться до с. Городка или Жукотина. Здесь та же картина. Лошади мобилизованы для той же цели. Стоило большого труда упротить заведующего отрядом по мобилизации лошадей уступить мне одну из 100 мобилизованных подвод. Только к вечеру прибыл я в с. Старое Иванаево, около 20 верст от Чистополя. Чтобы не тратить времени после освидетельствования архива с. Старое Иванаево волысполкома и составления акта я отправился в ночь до следующего села — Сахаровских (Алексеевских) починков. Тут пришлось переночевать. В недолгом пути я так утомился, что 19 июня вынужден был провести в с. Лебяжьем по дороге в с. Алексеевское. В с. Лебяжьем я в первый раз после 8 июня пообедал у о. Авенара Ильинского, моего ученика по Академии.

Из села Лебяжьего я переехал в с. Алексеевское, затем в село Мурзиху. В последнем селе я пытался в крестьянских домах найти остатки художественных сокровищ разграбленного поместья Толстых-Милославских и собрал сведения о самом разгроме библиотеки и архива. Лил сильный дождь с ветром. Между тем мне предстояло переправиться на правый берег р. Камы. Казенный перевоз из с. Мурзиха был переведен в с. Шуран и далеко отводил от ближайшей цели моего переезда на правый берег Камы — осмотра архива Масловского волысполкома. К тому же перевоз вследствие ветреной и ненастной погоды работал неисправно. Собралась компания в семь человек, желавших переехать на лодке на правый берег Камы в д. Сорочьи Горы. Но, боясь ветра и не желая мокнуть под дождем, члены компании стали отставать один по одному и в конце концов я остался один с непреклонным намерением каким бы то ни было способом переехать через Каму.

Слишком надоело топтаться на одном месте. Ведь в три дня я проехал только около 40 верст от Чистополя. В 12-м часу ночи при ветре и под дождем, не без риска для жизни, я сел в лодку и отправился в путь. Смелый и опытный лодочник из сормовских рабочих, некто Кокучев, предварительно спросил, боюсь ли я плавания на лодке в ветер, и когда услышал «нет», то стал налегать на весла, а я работал за рулевого. Во 2-м часу ночи мы были в Сорочьих Горах. Тут меня, промокшего и продрогшего, с трудом пустили переночевать в крестьянскую хату Захара Грохалова. Переправа на лодке стоила мне 400 руб., зато на следующее утро (22 июня) я уже ехал на лошади в Масловку.

Нужно заметить, что переезд на сельских подводах из села в село, из деревни в деревню необыкновенно утомителен при современных условиях жизни. Лошади истощены, телеги неисправны, колеса не смазаны, легких тарантасов нет, крытые находятся в использовании местных властей. Везут только до ближайшего села или деревни. Затем следует смена подводы. На 15-20 верстах случалось делать по две, по три пересадки. Не редко приходилось по 3-5 часов ждать смены подводы. Лошади оказывались в поле и в разгоне. К довершению этих прелестей переезда подводчики вымещают свое недовольство подводной повинностью на лицах, едущих по командировке или в отпуск. Всякие инструкторы, курсанты, советские работники, красноармейцы и т. п. лица, требующие подвод, слишком надоели крестьянам, загонявшим своих истощенных лошадей. Вымещая свою досаду на седоках, возчики почти ничего не подстилают на телеги, ссылаясь на то, что у них не только сена, но даже соломы нет. Быть может, это правда. Но едущему по казенному делу от этой правды или неправды приходится нелегко: он всю дорогу вертится на пустой телеге, то сядет, то ляжет, то пригнет, то выпрямится, устроившись на тележной нахлестке. Благо, что лошади не бойки и идут почти всю дорогу шагом, а возницы не считают нужным подгонять своих заморышей. Плата по 12 р. 50 к. с версты ныне не деньги и не находка для крестьянина, свободно располагающего тысячами. Был случай, что за переезд от с. Татарские Ошпеки до Зюзина (10 верст) вместо 125 руб. возчик просил у меня коробку спичек, каких я, к сожалению, не имел. Но это еще не все прелести переездов из села в село, из деревни в деревню. Приходилось местами голодать, за невозможностью достать у сельских обывателей полбутылки молока или пары яиц. В с. Зюзине я имел неосторожность остановиться на ночлег в здании волисполкома и при посредстве начальства достать молока и яиц. Всюду отказывали. Мое удивление по этому случаю объяснили просто. Крестьяне и крестьянки очень опасаются продавать продукты каким-то проезжим лицам, да еще имеющим дело с местными властями. Все напуганы реквизиционными отрядами. Поэтому хазарам бояться обнаружить лишнее яйцо или бутылку молока для продажи. Все нужно себе. Стоит соседу или соседке узнать про продажу соседом излишка продукта, то при первом случае появления реквизиционных отрядов, в интересах собственного ограждения, укажут на того, кто продает излишек. Действительно, в Чистопольском и Лаишевском уездах мне встретился не один реквизиционный отряд, собиравший яйца, молоко, масло и др[угие] продукты. Так, злополучный ревизор архивов волисполкомов и лег голодным, напившись пустого кофе с черным черствым хлебом. Как бы то ни было, с 18-го по 25-е июня мне удалось освидетельствовать архивы шести волисполкомов в Чистопольском и Лаишевском уездах. [...] Кроме того, отобраны были показания от работницы по народному образованию с. Мурзиха А. Вавиловой о разгроме фамильного архива и библиотеки Толстых-Милославских, бывших в их поместье в с. Мурзиха. Вавилова — очевидица этого разгрома. Оказывается, фамильный архив и богатейшая библиотека Толстых-Милославских, равно художественные сокровища их поместья долго хранились в целостности, пока к пристани «Мурзиха» 7 сентября 1918 г. не пристал пароход «Петр Чайковский» с матросами. Прибывшие матросы начали громить поместье Толстых-Милославских, их некультурное дело продолжили местные крестьяне. Матросы захватили с собой все ценное из дома и поместья Толстых-Милославских. Потрепали архив и библиотеку. Крестьяне разделили между собой то, что осталось после матросов. Местная учительница Вавилова старалась и принимала все зависящие от нее меры, чтобы спасти самое ценное из архива и библиотеки, но не нашла к себе сочувствия и со-

действия у местных властей и крестьян. Все же ей удалось вместе с учащимися кое-что спасти [...].

Из актов освидетельствования архивов волисполкомов можно видеть, что представляют эти архивы. Нельзя сказать, чтобы они были в порядке и чтобы о них заботились местные власти. Анатышский волисполком, переселившись в с. Рыбная Слобода, оставил свой архив на произвол судьбы, выбросив его из помещения б[ывшего] Волостного правления на чердак здания, где гуляет ветер, носится пыль и летают птицы, оставляющие следы своего знакомства с архивом. Волисполкому, так пренебрежительно отнесшемуся к архиву, вменено в обязанность немедленно перевезти архив в Рыбную Слободу. Заместитель председателя дал слово на другой же день после осмотра архива (т. е. 23 июня) приступить к перевозке. Исполнены ли им обещания, сказать трудно. Управление Губархива уже сделало телеграфный запрос по этому вопросу.

Замечено, что там, где в качестве секретарей волисполкомов остаются прежние волостные писари, архивы находятся в большей сохранности и в большем порядке. [...]

Мало этого, встречались лица, которые не находили никакой ценности в старых делах б[ывших] волостных правлений, как учреждений старого правительственного строя, и считали бесполезным хранить их в архивах и занимать ими места в и без того тесных помещениях волисполкомов. [...]

Современные политические обстоятельства и военные действия в пределах Чистопольского и Лаишевского уездов, несомненно, сказались на состоянии архивов тамошних волисполкомов. Но власти некоторых волисполкомов слишком преувеличивают влияние политических обстоятельств и военных действий на состояние местных архивов. Можно уверенно сказать, что их архивы раньше были и теперь остаются в ненадлежащем порядке (например, архив Староиванавского волисполкома). При осмотре архивов обращено было особенное внимание на метрические книги и книги иноверцев, которые, как акты записи гражданского состояния, ныне почти всюду из православных храмов и мечетей и от других религиозных общин взяты в волисполкомы, где и хранятся, но не везде надежно. Последнее нужно сказать об Анатышском волисполкоме. Здесь собранные, хотя и не все, метрические книги и записи лежат в незапертом шкафу и в комнате, куда свободен доступ для всех. Кстати заметить, что местный рыбнослободской священник протестует против передачи метрических книг волисполкому. Масловский волисполком, к волости которого принадлежит почти исключительно татарское население, не взял мусульманских записей, ввиду того что в волисполкоме нет лиц, которые могли бы разобраться в этих записях.

Селенгушский волисполком не брал из православных церквей метрические книги, оставив их на прежних местах в целях большей сохранности, так как в Селенгушской волости все храмы каменные, между тем здание волисполкома деревянное. В храмах метрические книги находятся в закрытых шкафах, ключи от которых у секретаря волисполкома. В потребных случаях справки из метрических книг делаются на местах. Такой порядок можно назвать самым удобным для дела, особенно для сохранности таких ценных документов, как метрические книги. [...]

Управление Казанского губархива, конечно, не оставит без внимания вопрос о сохранности метрических книг при новых условиях их назначения и пользования. Ведь это, кажется, самые ценные архивные документы, имеющие практическое значение. [...]

В заключение отчета на основании личных наблюдений необходимо сказать, что при нынешнем бумажном кризисе архивам сельских волисполкомов грозит опасность в смысле их сохранности. Заметно, что архивной бумагой пользуются для разных надобностей, особенно там, где архивы доступны лицам, не только состоящим в составе волисполкомов, но и сторонним посетителям, бывающим в помещениях волисполкомов. К декретам о необходимости хранить в целостности архивные сокровища как-то глухи не только в селах, но даже и в городах.

25 июня, после осмотра архивов волисполкомов, чувствуя физическое и нравственное утомление от всего пережитого в течение двух с половиной недель, я, захватив в Казань, в которой прожил 2 дня (26 и 27 июня), затем вторично отправился в г. Чистополь,

где оставался неосмотренным архив б[ывшей] Чистопольской земской управы за отсутствием заведующего этим архивом В. И. Златоустова и не закончено дело по вырезке чистой бумаги. [...]

Только ко 2-му июля в Чистополе мною наконец была выполнена цель командировки: осмотрен архив б[ывшей] Земской управы, составлен отчет, хотя 2-ой Казанский полковой округ к этому времени не успел вырезать чистой бумаги до требуемой нормы. Им вырезано и получено под расписку всего двенадцать пудов двадцать семь фунтов (12 пуд. 27 ф.) бумаги.

Окончательная перевозка остатков архива не могла состояться в моем присутствии за неимением свободных лошадей и рабочих. Лошади были заняты перевозкой хозяйственного отдела округа в новое помещение. [...] Дождаться, когда освободятся лошади, было долгим, и мое присутствие при этой перевозке не являлось необходимым. 5-го июля я, возвратившись в Казань, приступил к отправлению своих обязанностей по должности архивариуса Казанского губархива и заведующего 1-м отделением. [...]

Архивариус Каз[анского] губархива проф[ессор] И. М. Покровский.

Личный архив И. М. Покровского. Черновик. Рукопись.

№ 2. Из отчета Казанского губернского архивного фонда о его деятельности

Не ранее 1920 г.*

[...] Особенно грустный факт — гибель архива и библиотеки быв[ших] помещиков Толстых-Милославских в с. Мурзиха Лаишевского уезда. По показаниям местной учительницы, архив оставался нетронутым до 7 сентября 1918 г., когда пристали к пристани «Мурзиха» матросы. Они угрозами расстрела побудили крестьян к грабежу и разгрому поместья, но предварительно разгромили его сами. При разгроме поместья был уничтожен ценный семейный архив Толстых-Милославских, в котором имелась жалованная грамота Иоанна Грозного. Вместе с архивом пострадала ценная библиотека. После разгрома целая кладовая была наполнена рукописями и книгами. Из нее учительница Павлова** спасла до 500 экземпляров печатных изданий и 12 рукописей времен Анны Иоанновны (рукописи сданы в отдел народного образования, хотя их в отделе не оказалось). Туда же поступили печатные издания на иностранных и русском языках (среди них сочинения Вольтера, Ла-Мартина, Ж. Ж. Руссо и др.). Много русских книг было куда-то увезено солдатами. Среди обрывков были найдены две тетради — дневники Толстого и сданы якобы проф. Дитякину, но точнее их местонахождение сейчас неизвестно. Вместе с книгами и рукописями расхищены художественные собрания картин и других предметов. Кое-что попало в руки крестьян Мурзихи. И. М. Покровский распорядился собрать у крестьян художественные вещи, книги и рукописи и сконцентрировать их в школе для хранения. [...]

И. д. заведующего Губархивом, уполномоченный Главархива.

Делопроизводитель [...].

НА РТ, ф. Р-7, оп. 1, д. 21, л. 40-40 об., 41 об.

№ 3. Из письма И. М. Покровского заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому

1928 г.

Глубокоуважаемый Михаил Николаевич!

Очень извиняюсь, что своим длинным и неинтересным письмом отнимаю у Вас дорогое время и занимаю Ваше внимание. Пишет это письмо уже раз кратко писавший

* Дата определена по тексту документа.

** Скорее всего, имеется в виду Вавилова.

Вам Ваш однофамилец и соратник по работе в науке и по службе по архивному делу И. М. Покровский, бывший профессор русской истории в Казанской духовной академии, бывший заведующий секцией культуры и быта Центрального архива Татар[ской] ССР-ки, ныне — библиотекарь Стат[истического] управления той же республики. [...]

Что касается аттестации моей работы по архивному делу, то ее ныне в Казани трудно получить. По моему уходу из Татцентрархива сменилось три управляющих. Управляющий Жаков и его заместитель Сибирцева, при которых я не по своей воле оставил службу, до 1926 г. давали самые лестные отзывы о моей службе в Татцентрархиве, о чем свидетельствует один из документов, прилагаемый к моему заявлению о пенсии, но он относится не к последнему времени моей службы в архиве. С конца 1925 г. и в начале 1926 г., когда в качестве секретаря разборочной комиссии я стал предъявлять необходимые формальные требования при отборе архивного материала на макулатуру и никак не соглашался дать до 5 000 пудов макулатуры из своей секции культуры и быта, отношение ко мне и моей работе со стороны администрации Татцентрархива изменилось. Это было очень заметно. Я предвидел начало конца. Тогда же я спросил у управляющего ТЦА Жакова, почему не составляются акты по сдаче архивных материалов на утилизацию, он ответил, что за сдачу материала отвечает управление. Когда с меня требовали сдать 5 000 пудов макулатуры, я ответил, что у меня и 50 пудов не найдется. Я категорически протестовал против того, чтобы архивные материалы набивались в кули до получения разрешения из центра. Словом, я по болезненной бережливости архивов многим мешал. Зато, когда меня сократили из историко-культурной секции, вывезли, говорят, более 5 000 пуд[ов] в качестве макулатуры. Уничтожен весь печатный Соловецкий фонд. Проданы на пакеты книги «Стоглав», Списки с писцовых книг г. Казани, «Древности Казанской епархии» Любарского, материалы Поместного Собора и многое-многое другое. Уничтожен мой дневник, в котором я вел ежедневные записи о том, что я делал как губернский архивариус и что делалось в моем отделении, а отчасти и в Центрархиве, уничтожен журнал, в котором велись записи о моих лекциях в отделении, где я собственноручно записывал то, о чем я говорил, и свои впечатления от моих бесед. Уничтожены даже списки фондов в ист[орико]-культ[урной] секции, в которых мной была изложена история Соловецкого фонда, поступившего в библиотеку академии. Видимо, все это сделано для того, чтобы о моей деятельности в Татархиве не сохранилось никаких следов. Но они забыли про мои доклады, которые в делах архива. [...]

Тогда-то я стал писать Вам и В. В. Адоратскому* о спасении рукописей Соловецкого и академического собрания. Мое письмо, заслушанное в казанском Центрархиве, и постановление по поводу его напечатания в документах Центрархива окончательно решило мою судьбу. Дни моей службы в архиве были сочтены. А когда я был «сокращен», то, вероятно, в Центрархив послана была обо мне нелестная аттестация, основанная на чистейшем вымысле. В чем дело, я до сего времени не знаю. Но Вам, быть может, известно следующее обстоятельство. Когда я ушел со службы из Центрархива, то в течение дня, в пожарном порядке, приняли все, что было в секции культуры и быта. Одного я не согласился сделать, а именно отдать ключи от рукописного отделения, требуя, чтобы это отделение с его ценным содержанием было принято от меня по существующей доверенности, составленной еще академией. Дело доходило до ГПУ, но я настаивал на своем. И теперь рукописи в Москве, а у меня копия приема описи, чего я и добивался. После всего сказанного Вы сами поймете, что могла сказать обо мне администрация Татцентрархива, не пользовавшаяся моим доверием. После оказалось, что я был совершенно прав. Прошу Вас, глубокоуважаемый Михаил Николаевич, извинить меня за все написанное. Я боюсь, что все написанное мной покажется Вам странным. [...] Пишу Вам как профессор — профессору и думаю, что Вы поймете меня и извините за написанное. Я спасал до конца самое ценнейшее содержание бывшей академической библиотеки и рад, что спас его, и облегченно вздохнул только тогда, когда лично, давным-давно покинув службу в Татцентрархиве, заделал рукописи в ящики, которые затем были опечатаны особой ко-

* Адоратский Владимир Викторович (1878-1945), российский политический деятель, историк, академик АН СССР (1932). Участник революции 1905-1907 гг. С 1920 г. — один из руководителей Истпарта. В 1931-1939 гг. — директор ИМЭЛ.

миссией под председательством представителя ГПУ в присутствии В. В. Адоратского, а мне была вручена копия сданной описи. Это было 24 ноября 1926 г., а из Татцентрархива я оказался вышедшим 22 марта 1926 г. Только тогда я успокоился. Ведь в Казани остался я единственным человек[ом], который знал рукописный отдел при академической библиотеке. Вот почему я прошу у Вас аттестацию моей работы в Татцентрархиве, не получив ее от нынешней администрации его. [...]

Если Вы набрались терпения прочитать мое заявление в Татцентрархив, которое я послал Вам, то мне думается, что у Вас явилась мысль, за что же меня уволили из архива, когда я так много работал в нем. Ответить на этот вопрос для меня не столько трудно, сколько тяжело. [...] Уволен я по декрету о сокращении административного аппарата, но это только повод. [...] В действительности было не так. По увольнении из Татцентрархива я остался совершенно без службы, а до этого имел на своем иждивении семью в пять человек, не включая себя, из которых четверо учились. Положение было тяжелым. Я, как единственный кормилец семьи, решил спросить управляющего Жакова, за что меня уволили, но услышал поразившие меня основания. Во-первых, мне поставили в вину, что у меня в секции часто бывали духовные лица и пользовались книгами из библиотеки бывшей Духовной академии. Да, это правда. До 1922 г., когда академия существовала, а в библиотеке даже читались лекции для студентов академии. Ведь библиотека академии официально была передана Губархиву, потом — Татцентрархиву с тем, чтобы, пока существует академия, профессора и студенты ее пользовались для своих работ книгами из библиотеки. Я, как исполняющий обязанности библиотекаря, должен был выполнять эти условия. И после 1922 г. некоторые окончившие академию при составлении своих курсовых работ пользовались книгами академической библиотеки и свои законченные работы сдавали в библиотеку по установленному порядку. Поэтому я не считал служебным преступлением выдавать на время книги бывшим студентам академии, из которых некоторые были в духовном сане. С 1924 г. посещения секции культуры и быта и библиотеки при ней духовными лицами совершенно прекратились. [...]

Когда я предъявил Жакову официальные документы с подписями профессоров, то, не будучи уже управляющим Татцентрархивом, он был очень смущен и только нашелся сказать: «Ну эту мою ошибку поправит мой преемник, который отказался исправить ее». Я даже не понимаю, для чего нужно будет исправлять ее. Вторым основанием, со слов Жакова, было то, что я не подготовил себе преемника. Я на это ответил, что я, во-первых, не собирался уходить из Татцентрархива и бросать любимое мной дело, во-вторых, моим помощником, которого я мог бы подготовить на свое место, был студент 4 курса Восточно-Педагогического института Захаров. Но он постоянно говорил мне, как только кончит курс, уйдет из архива и поступит на такую службу, по которой будет получать не 45 руб., а более 100 руб. Так и вышло. Как мне было подготовить его быть моим преемником, когда он не хотел служить в архиве. Он работал в нем, когда учился и нуждался в деньгах, чтобы жить в Казани [...].

Личный архив И. М. Покровского.

Фото на с. 106: И. М. Покровский. 1926 г. Из личного архива И. М. Покровского.

Публикацию подготовили
Ольга Троепольская,
кандидат физико-математических наук,
Наталья Троепольская

